

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Джеймс Фенимор

КУПЕР

*Последний
из могикан*

Роман

Москва

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К92

James Fenimore Cooper
THE LAST OF THE MOHICANS

Перевод с английского *Е. Чистяковой-Вэр*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Купер, Джеймс Фенимор.
К92 Последний из могикан : роман / Джеймс Фенимор Купер ; [пер. с англ. Е. М. Чистяковой-Вэр]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Всемирная литература).

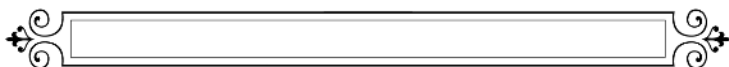
ISBN 978-5-04-098593-7

Джеймс Фенимор Купер — первый всемирно известный американский прозаик, классик детской литературы. Славу писателю принесла серия из пяти романов, названных «Повестями о Кожаном Чулке», объединенных главным героем — следопытом и охотником Натти Бампо. Самый динамичный и авантюрный из них, «Последний из могикан», полон описания колоритных обычаев и нравов аборигенов-индейцев. В нем хитрый и жестокий гурон Магуа коварно захватывает добродетельных дочерей полковника Мунро — прекрасную и храбрую чернооковую Кору и белокурую хрупкую и женственную Алису, а Соколиный Глаз (Натти Бампо) предпринимает многократные попытки спасти пленниц с помощью верных друзей могикан Чингачуга и его сына Ункаса.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-098593-7

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ГЛАВА I

Готов узнать я самое плохое
И страшное, что ты мне мог принести,
Готов услышать тягостную весть:
Ответь скорей — погибло ль королевство?!

*Шекспир*¹

Может быть, на всем огромном протяжении границы, которая отделяла владения французов от территории английских колоний Северной Америки, не найдется более красноречивых памятников жестоких и свирепых войн 1755–1763 годов, чем в области, лежащей при истоках Гудзона и около соседних с ними озер.

Эта местность представляла для передвижения войск такие удобства, что ими нельзя было пренебрегать.

Водная гладь Шамплейна тянулась от Канады и глубоко вдавалась в колонию Нью-Йорк; вследствие этого озеро Шамплейн служило самым удобным путем сообщения, по которому французы могли проплыть до половины расстояния, отделявшего их от неприятеля.

Близ южного края озера Шамплейн с ним сливаются хрустально ясные воды озера Хорикэн — Святого озера.

Святое озеро извивается между бесчисленными островками, и его теснят невысокие прибрежные горы. Изгибами оно тянется далеко к югу, где упирается в плоскогорье. С этого пункта начинался многомильный волок, который приводил путешественника к бере-

¹ Стихотворные эпиграфы в переводе *Р.С. Сефа*.

гу Гудзона; тут плавание по реке становилось удобным, так как течение свободно от порогов.

Выполняя свои воинственные планы, французы пытались проникнуть в самые отдаленные и недоступные ущелья Аллеганских гор и обратили внимание на естественные преимущества только что описанной нами области. Действительно, она скоро превратилась в кровавую арену многочисленных сражений, которыми враждующие стороны надеялись решить вопрос относительно обладания колониями.

Здесь, в самых важных местах, возвышавшихся над окрестными путями, выросли крепости; ими овладевала то одна, то другая враждующая сторона; их то срывали, то снова отстраивали, в зависимости от того, чье знамя взвивалось над крепостью.

В то время как мирные земледельцы старались держаться подальше от опасных горных ущелий, скрываясь в старинных поселениях, многочисленные военные силы углублялись в девственные леса. Возвращались оттуда немногие, изнуренные лишениями и тяготами, упавшие духом от неудач.

Хотя этот беспокойный край не знал мирных ремесел, его леса часто оживлялись присутствием человека.

Под сенью ветвей и в долинах раздавались звуки маршей, и эхо в горах повторяло то смех, то вопли многих и многих беззаботных юных храбрецов, которые в расцвете своих сил спешили сюда, чтобы погрузиться в глубокий сон долгой ночи забвения.

Именно на этой арене кровопролитных войн развертывались события, о которых мы попытаемся рассказать. Наше повествование относится ко времени третьего года войны между Францией и Англией, боровшимися за власть над страной, которую не было суждено удержать в своих руках ни той, ни другой стороне.

Тупость военачальников за границей и пагубная бездеятельность советников при дворе лишили Велико-

британию того гордого престижа, который был завоеван ей талантом и храбростью ее прежних воинов и государственных деятелей. Войска англичан были разбиты горстью французов и индейцев; это неожиданное поражение лишило охраны большую часть границы. И вот после действительных бедствий выросло множество мнимых, воображаемых опасностей. В каждом порыве ветра, доносившемся из безграничных лесов, напуганным поселенцам чудились дикие крики и зловещий вой индейцев.

Под влиянием страха опасность принимала небывалые размеры; здравый смысл не мог бороться с встревоженным воображением. Даже самые смелые, самоуверенные, энергичные начали сомневаться в благоприятном исходе борьбы. Число трусливых и малодушных невероятно возрастало; им чудилось, что в недалеком будущем все американские владения Англии сделаются достоянием французов или будут опустошены индейскими племенами — союзниками Франции.

Поэтому-то, когда в английскую крепость, возвышавшуюся в южной части плоскогорья между Гудзоном и озерами, пришли известия о появлении близ Шамплейна маркиза Монкальма и досужие болтуны добавили, что этот генерал движется с отрядом, «в котором солдат что листьев в лесу», страшное сообщение было принято скорее с трусливой покорностью, чем с суровым удовлетворением, которое следовало бы чувствовать воину, обнаружившему рядом с собою врага. Весть о наступлении Монкальма пришла в разгар лета; ее принес индеец в тот час, когда день уже склонялся к вечеру. Вместе со страшной новостью гонец передал командиру лагеря просьбу Мунро, коменданта одного из фортов на берегах Святого озера, немедленно выслать ему сильное подкрепление. Расстояние между фортом и крепостью, которое житель лесов проходил в течение двух часов, военный отряд, со своим обозом, мог покрыть между восходом и заходом солнца. Одно из этих укреплений

верные сторонники английской короны назвали фортом Уильям-Генри, а другое — фортом Эдвард по имени принцев королевского семейства. Ветеран-шотландец Мунро командовал фортом Уильям-Генри. В нем стоял один из регулярных полков и небольшой отряд колонистов-волонтеров; это был гарнизон, слишком малочисленный для борьбы с подступавшими силами Монкальма.

Должность коменданта во второй крепости занимал генерал Вебб; под его командованием находилась королевская армия численностью свыше пяти тысяч человек. Если бы Вебб соединил все свои рассеянные в различных местах отряды, он мог бы выдвинуть против врага вдвое больше солдат, чем было у предприимчивого француза, который отважился уйти так далеко от своего пополнения с армией не намного большей, чем у англичан.

Однако напуганные неудачами английские генералы и их подчиненные предпочитали дожидаться в своей крепости приближения грозного неприятеля, не рискуя выйти навстречу Монкальму, чтобы превзойти удачное выступление французов у Декеснского форта, дать врагу сражение и остановить его.

Когда улеглось первое волнение, вызванное страшным известием, в лагере, защищенном траншеями и расположенном на берегу Гудзона в виде цепи укреплений, которые прикрывали самый форт, прошел слух, что полторатысячный отборный отряд на рассвете должен двинуться из крепости к форту Уильям-Генри. Слух этот скоро подтвердился; узнали, что несколько отрядов получили приказ спешно готовиться к походу. Все сомнения по поводу намерений Вебба рассеялись, и в течение двух-трех часов в лагере слышалась торопливая беготня, мелькали озабоченные лица. Новобранец тревожно сновал взад и вперед, суетился и чрезмерным рвением своим только замедлял сборы к выступлению; опытный ветеран вооружался вполне хладнокровно, неторопливо, хотя строгие черты и оза-

боченный взгляд ясно говорили, что страшная борьба в лесах не особенно радует его сердце.

Наконец солнце скрылось в потоке сияния на западе за горами, и, когда ночь окутала своим покровом это уединенное место, шум и суета приготовлений к походу смолкли; в бревенчатых хижинах офицеров погас последний свет; сгустившиеся тени деревьев легли на земляные валы и журчащий поток, и через несколько минут весь лагерь погрузился в такую же тишину, какая царила в соседних дремучих лесах.

Согласно приказу, отданному накануне вечером, глубокий сон солдат был нарушен оглушительным грохотом барабанов, раскатистое эхо которых далеко разносилось во влажном утреннем воздухе, гулко отдаваясь в каждом лесном углу; занимался день, безоблачное небо светлело на востоке, и очертания высоких косматых сосен выступали на нем все отчетливей и резче. Через минуту в лагере закипела жизнь: даже самый нерадивый солдат и тот поднялся на ноги, чтобы видеть выступление отряда и вместе с товарищами пережить волнения этой минуты. Несложные сборы выступавшего отряда скоро закончились. Солдаты построились в боевые отряды. Королевские наемники красовались на правом фланге; более скромные волонтеры, из числа поселенцев, покорно заняли места слева.

Выступили разведчики. Сильный конвой сопровождал повозки с походным снаряжением; и, прежде чем первые лучи солнца пронизали серое утро, колонна тронулась в путь. Покидая лагерь, колонна имела грозный, воинственный вид; этот вид должен был заглушить смутные опасения многих новобранцев, которым предстояло выдержать первые испытания в боях. Солдаты шли мимо своих восхищенных товарищей с гордым и воинственным выражением. Но постепенно звуки военной музыки стали замолкать в отдалении и наконец совершенно замерли. Лес сомкнулся, скрывая от глаз отряд.

Теперь ветер не доносил до оставшихся в лагере даже самых громких, пронзительных звуков; последний воин исчез в лесной чаще.

Тем не менее, судя по всему, что делалось перед самым крупным и удобным из офицерских барачков, еще кто-то готовился двинуться в путь. Перед домиком Вебба стояло несколько великолепно оседланных лошадей; две из них, очевидно, предназначались для женщин высокого звания, которые не часто встречались в этих лесах. В седле третьей красовались офицерские пистолеты. Остальные кони, судя по простоте уздечек и седел и привязанным к ним выюкам, принадлежали низшим чинам. Действительно, совсем уже готовые к отъезду рядовые, очевидно, ждали только приказа начальника, чтобы вскочить в седла. На почтительном расстоянии стояли группы праздных зрителей; одни из них любовались чистой породой офицерского коня, другие с тупым любопытством следили за приготовлениями к отъезду.

Однако в числе зрителей был один человек, манеры и осанка которого выделяли его из числа прочих. Его фигура не была безобразна, а между тем казалась донельзя нескладной. Когда этот человек стоял, он был выше остальных людей; зато сидя он казался не крупнее своих собратьев. Его голова была чересчур велика, плечи слишком узки, руки длинные, неуклюжие, с маленькими, изящными кистями. Худоба его необыкновенно длинных ног доходила до крайности; колени были непомерно толсты. Странный, даже нелепый костюм чудака подчеркивал нескладность его фигуры. Низкий воротник небесно-голубого камзола совсем не прикрывал его длинной худой шеи; короткие полы кафтана позволяли насмешникам потешаться над его тонкими, длинными ногами. Желтые узкие нанковые брюки доходили до колен; тут они были перехвачены большими белыми бантами, истрепанными и грязными. Серые чулки и башмаки довершали костюм неуклюжей фи-

гуры. На одном башмаке чудака красовалась шпора из накладного серебра. Из объемистого кармана его жилета, сильно загрязненного и украшенного почерневшими серебряными галунами, выглядывал неведомый инструмент, который среди этого военного окружения можно было ошибочно принять за некое таинственное и непонятное орудие войны. Высокая треугольная шляпа, вроде тех, какие лет тридцать назад носили пасторы, увенчивала голову чудака и придавала почтенный вид добродушным чертам лица этого человека.

Группы рядовых держались в почтительном отдалении от дома Вебба; но та фигура, которую мы только что описали, смело вмешалась в толпу генеральских слуг. Станный человек без стеснения осматривал лошадей; одних хвалил, других бранил.

— Вот этот конек не доморощенный, его, вероятно, выписали из-за границы... может быть, даже с острова, лежащего далеко-далеко, за синими морями, — сказал он голосом, который поражал своей благозвучной мягкостью, так же как удивляла вся его фигура своими необычными пропорциями. — Скажу без хвастовства: я могу смело рассуждать о подобных вещах. Я ведь побывал в обеих гаванях: и в той, которая расположена при устье Темзы и называется по имени столицы старой Англии, и в той, что зовется просто Нью-Хейвен — Новой гаванью. Я видел, как бригантины и барки собирали животных, точно для ковчега, и отправляли их на остров Ямайка; там этих четвероногих продавали или выменивали. Но такого коня я никогда не видывал. Как это сказано в Библии? «Он нетерпеливо роет копытами землю долины и радуется своей силе; он несется навстречу воинам. Среди трубных звуков он восклицает: «Ха, ха!» Он издала чует битву и слышит воинский клич». Это древняя кровь, не правда ли, друг?

Не получив ответа на свое столь необычное обращение, которое было высказано с такой полнотой и силой звучного голоса, что заслуживало некоторого внимания,

он обернулся к молчаливо стоявшему человеку, который явился его невольным слушателем, и новый, еще более достойный восхищения объект предстал перед взором чудака. Он с удивлением остановил свой взгляд на неподвижной, прямой и стройной фигуре индейца-скорохода, который принес в лагерь невеселые вести.

Хотя индеец стоял точно каменный и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на шум и оживление, царившие вокруг, черты его спокойного лица в то же время выражали угрюмую свирепость, которая непременно бы привлекла к себе внимание и более опытного наблюдателя, чем тот, кто разглядывал его теперь с нескрываемым удивлением. Индеец был вооружен томагавком и ножом, а между тем не был похож на заправского воина. Напротив, во всем его облике сквозила небрежность, происходившая, возможно, от какого-то большого недавнего напряжения, от которого он еще не успел оправиться. На суровом лице туземца военная окраска расплылась, и от этого его темные черты невольно выглядели еще более дико и отталкивающе, чем в искусных узорах, наведенных для устрашения врагов. Лишь глаза его, сверкавшие словно яркие звезды между туч, горели дикой злобой. Только на одно мгновение пристальный, мрачный взгляд скорохода поймал удивленное выражение глаз наблюдателя и тотчас же, отчасти из хитрости, отчасти из пренебрежения, обратился в другую сторону, куда-то далеко-далеко в пространство.

Вдруг засуетились слуги, послышались нежные женские голоса, и все это возвестило о приближении тех, кого ожидали, чтобы вся кавалькада двинулась в путь. Человек, любовавшийся конем офицера, внезапно отступил к своей собственной низкорослой, худой лошади с подвязанным хвостом, которая пощипывала сухую траву, одним локтем он оперся на шерстяное одеяло, заменяющее ему седло, и стал следить за отъезжающими. В это время с противоположной стороны к его

кляче подошел жеребенок и принялся лакомиться ее молоком.

Юноша в офицерском мундире подвел к лошадям двух девушек, которые, судя по их костюмам, приготовились отправиться в утомительное странствие через леса.

Вдруг ветер откинул длинную зеленую вуаль, прикрепленную к шляпе той из них, которая казалась младшей (хотя они обе были очень молоды); из-под вуали показались ослепительно-белое лицо, золотистые волосы, блестящие синие глаза. Нежные краски неба, которые все еще разливались над соснами, не были столь ярки и прекрасны, как румянец ее щек; начинавшийся день не был столь светел, как ее оживленная улыбка, которой она наградила молодого человека, помогавшего ей сесть в седло.

Офицер с таким же вниманием отнесся и ко второй всаднице, лицо которой заботливо скрывала вуаль. Она казалась старше сестры и была немного полнее.

Как только девушки сели на лошадей, молодой человек легко вскочил в седло. Все трое поклонились генералу Веббу, вышедшему на крыльцо, чтобы проводить путников, повернули лошадей и легкой рысью двинулись к северному выезду из лагеря. Несколько нижних чинов поехали вслед за ними. Пока отъезжающие пересекали пространство, отделявшее их от большой дороги, никто из них не произнес ни слова, только младшая из всадниц слегка вскрикнула, когда мимо нее неожиданно проскользнул индеец-скороход и быстрыми плавными шагами двинулся по военной дороге. Старшая из сестер при появлении индейца-скорохода не проронила ни звука. От удивления она выпустила складки вуали, и ее лицо открылось. Сожаление, восхищение и ужас мелькнули в ее чертах. Волосы этой девушки были цвета воронова крыла. На незагорелом лице ее играли яркие краски, хотя в нем не было ни малейшего оттенка грубости. Ее черты отличались тонко-

стью, благородством и поразительной красотой. Словно сожалела о своей забывчивости, она улыбнулась, блеснул ряд ровных зубов, белизна которых могла соперничать с лучшей слоновой костью.

Потом, поправив вуаль, она опустила голову и продолжала свой путь в молчании, подобно человеку, чьи мысли были далеки от всего окружающего.

ГЛАВА II

О-ла! О-ла! Где вы? О-ла!

Шекспир.

«Венецианский купец»

В то время как одна из двух очаровательных девушек, которых мы так бегло представили читателю, была поглощена собственными мыслями, младшая, быстро оправившись от мгновенного испуга, засмеялась над своим страхом и сказала офицеру, который ехал рядом с ней:

— Скажите, Дункан, такие привидения часто встречаются в здешних лесах или это представление было организовано в нашу честь? Если так, то мы должны быть благодарны, но в ином случае нам с Корой понадобится все наше мужество, раньше чем мы встретимся со страшным Монкальмом.

— Этот индеец — скороход при нашем отряде и, по понятиям своего племени, герой, — сказал молодой офицер. — Он вызвался проводить нас до озера по малоизвестной тропинке, которая сильно сокращает путь. Благодаря этому мы явимся на место скорее, чем следуя за нашим отрядом.

— Он мне не нравится, — ответила девушка и притворно вздрогнула, хотя в душе ей было также страшно. — Вы хорошо знаете его, Дункан? Ведь в противном случае вы, конечно, не доверяли бы ему.

— Скорее я бы не доверился вам, Алиса. Я знаю этого индейца, иначе я не выбрал бы его проводником,

особенно в такую минуту. Говорят, Магуа — уроженец Канады, а между тем служит нашим друзьям мохокам, которые, как вам известно, принадлежат к числу шести союзных племен¹. Мне говорили, что он попал сюда по какой-то странной случайности, имевшей отношение к вашему отцу. Кажется, генерал жестоко поступил с этим индейцем... Впрочем, я позабыл эту досужую болтовню. Достаточно, что теперь он наш друг.

— Если он был врагом моего отца, тем хуже для нас, — заметила девушка, встревожившись не на шутку. — Майор Хейворд, пожалуйста, заговорите с ним, мне хочется услышать звук его голоса. Может быть, это глупо, но я всегда сужу о человеке по его голосу.

— Если я заговорю с ним, это, по всей вероятности, ни к чему не поведет, — проговорил Хейворд. — Он ответит мне каким-либо односложным восклицанием. Мне кажется, Магуа понимает по-английски, но делает вид, что не знает нашего языка. Кроме того, он вряд ли пожелает вести со мной разговор теперь, когда военное время требует от него всех признаков высшего воинского достоинства... Но смотрите, наш проводник остановился. Очевидно, тут начинается та тропинка, на которую нам придется свернуть.

Дункан был прав. Когда всадники подъехали к индейцу, который неподвижно стоял, указывая на чащу кустов, окаймлявших военную дорогу, они разглядели тропинку, настолько узкую, что по ней можно было ехать только гуськом.

— Мы должны свернуть на эту дорожку, — шепотом сказал Хейворд. — Не выражайте никаких опасений, не то вы навлечете на себя именно ту опасность, которой боитесь.

¹ Союз шести племен — мохоки, онайды, сенэки, кайюги, онондаги и тускароры, родственные племена, враждовавшие с племенами ленапов (могиқан и делаваров). Эти шесть племен носили различные прозвища. Их часто называли макуасами, мингами или ирокэзами.